

В. С. Глаголев¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ

«И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово!» Эти строки Анны Андреевны Ахматовой были написаны и прозвучали по радио в годовщину величайшего испытания нашего народа — в первый период Великой Отечественной войны. В нашей истории вряд ли была национальная мобилизация такого масштаба и напряжения — и с точки зрения человеческих ресурсов, принесенных на алтарь Великой Победы, и с точки зрения нагрузки на все сферы общественной жизни — от экономики до психологии, и с точки зрения затрат военной экономики (которая всегда затратна). Сформулированная великим поэтом сверхзадача Победы — сохранение и трепетная передача грядущим поколениям ценнейшего достояния народа — его национальной культуры, воплощенной в Слове, развивающейся и сообщаемой через речь. Речь матери, обращенной к ребенку, речь педагога, художника слова, народного пророка. Утрата речи, отмечал А. И. Солженицын, создает для онемевшего огромное беспокойство, неуверенность, психологическую неустойчивость, травмирует его. Писатель говорил об онкологическом больном. Но образ из «Ракового корпуса», как и все художественные образы, имеет обобщающий смысл.

Утрата речи — это утрата идентичности культуры, как индивидуальной, так и национальной². Она влечет за собой уязвимость к негативным воздействиям внешней среды. Последствия такой утраты для нации — капитуляция перед внешними силами и разрушение глубоких связей, сформированных историей. Как поэт глубочайшей философской культуры, Ахматова знала об этом. Поэтому для нее, не имевшей никаких оснований трепетно любить советскую власть, Великая Отечественная война не была лишь противостоянием двух режимов, большевистского и фашистского (как утверждают некоторые историки последнего времени). Для нее это была борьба за выживание и достойное будущее своего народа. Будущее, невозможное без культуры и родного языка культуры.

В то же время понятие родного языка, если подходить к нему исторически, предполагает широту взгляда

да, исключаящую лингвистическую ксенофобию и другие разновидности этого распространенного порока³. Полноценный родной язык живет и развивается в перекрестках духовных и культурных влияний, связанных изначально с внешней лексикой, грамматикой и другими особенностями строя живой и письменной речи. Тем самым он по определению открыт миру. Попытки лингвистической самоизоляции — путь к новоязам, предназначенным либо для продвижения победы мировой революции, как полагал простоватый герой М. А. Шолохова, либо для сакрализации практики тоталитарного государства Дж. Оруэлла.

Открытость же языка миру, как и творческое взаимообогащение культур, предполагает обдуманную, сбалансированную политику в этой области. Симптоматично издание в СССР в 1943 году третьего тома «Истории философии» («Серой лошади» на сленге студентов философского факультета МГУ), основная часть которого была посвящена немецкой классической философии и отвечала критериям научности, принятым среди профессионалов-философов того времени. Только что были освобождены Орел и Белгород. Наступление Красной армии на запад лишь начиналось. Напряжение зашкаливало. И в это время учебник утверждает тезис о всемирно-исторических гуманистических ценностях великой немецкой философской культуры (разумеется, при оговорках о заблуждениях и ошибках, свойственных идеализму, как того требовал политико-философский ритуал, основанный на «Вопросах ленинизма» И. В. Сталина и «Кратком курсе истории ВКП(б)»). Здесь проявилась широта видения перспектив неизбежного строительства новых отношений с немецким народом после войны. Как известно, когда победа была уже близка и Красная армия переходила немецко-польскую границу, существовавшую до 1 сентября 1939 года, в одной из популярнейших в войну газет любимый на фронтах писатель И. Г. Эренбург напечатал статью «Убей немца!». Она отразила ту жажду отмщения, которая вела воинов почти четыре года. Эту жажду питали страдания и смерти тысяч и тысяч солдат и еще большего числа мирных жителей страны; расчетливое, изощренное палачество завоевателей и их приспешников из числа так называемых «националов», примкнувших к гитлеровским войскам. И, конечно, призыв Эренбурга, как опытного психолога,

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Религия караимов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development» и др. Член Российского философского общества.

² См.: Лихачев Д. С. О языке письменном и устном, старом и новом // Русская культура. СПб. : Искусство-СПб, 2007.

³ Лихачев Д. С. Патриотизм и национализм. URL: <http://mkuznetsova.blogspot.ru/2013/05/blog-post.html> (дата обращения: 20.03.2015).

владеющего словом военной публицистики, имел целью сконцентрировать силы наступающих для последнего решительного удара. «Сверху», однако, писателя одернули: в газете «Правда» появилась заметка «Тов. Эренбург упрощает», проводившая, если пользоваться современным языком, политкорректное различие между отношением к врагам-фашистам и «орудию» исполнения их воли — массам немецкого населения, в том числе и новшшего солдатскую форму.

В этом столкновении двух установок — тогдашнего «политтехнолога» Эренбурга и партийно-государственного официоза — позиция последнего представляется более взвешенной, обдуманной и перспективной. Она исходила из многоуровневого комплекса задач, стоявших перед государством, которое на рубеже 1944–1945 годов расширяло свои реальные международные связи и возможности их многопланового использования. Другой вопрос: насколько удачно эти возможности были реализованы в последующей политике?

Позволю себе привести семейную историю. Мой отец, Глаголев Сергей Михайлович (1906–1978), преподаватель русского языка и литературы и директор школы рабочей молодежи в Туле, был мобилизован в Красную армию в сентябре 1941 года. Направлен в огнемётный батальон. Командир батальона после знакомства со списками новобранцев вызвал его к себе и спросил: «Глаголев, ты единственный из рядового состава в нашем батальоне имеешь высшее образование. Кем ты работал?» — «Детей учил русскому языку и литературе, товарищ командир». — «После войны учителя нам понадобятся! Будешь при мне, в группе управления. Шансов уцелеть тоже немного, но все-таки больше, чем если ползти с трубой огнемёта к немецкому доту».

Отец остался в живых и учил русскому языку и литературе детей и взрослых до своей кончины. Я не знаю ни имени, ни биографии командира батальона. Но помню о его по-крестьянски бережном отношении к учителю-солдату. В этом отношении — такая же широта взгляда и обоснованность линии поведения, что и в упомянутой заметке «Правды».

Как любое творческое дело, культура развивается в первую очередь усилиями людей одержимых, «пассионарных». Среди них немало тех, кто знает «одну, но пламенную страсть», людей одной идеи, которую приходится соотносить с другими и лишь таким путем встраивать в плоть и кровь культуры — живого и сложного организма, чутко реагирующего не только на внешнюю среду, но и на свои внутренние состояния. Лекала, алгоритмы и стандарты культуры — ее «овнешнивающие» инструменты, средства утверждения обязательных правил и норм. Но глубины культуры — пространства непрерывной саморефлексии, где разворачивается далеко не всегда видимая извне напряженная внутренняя работа. Условием ее устойчивости и креативности всегда является надежда на реализацию в теле культуры ее внутренней жизни. И, разумеется, признание значимости, важности для общества тех, кто совершает этот труд, требующий от личности непрерывных психологических, интеллектуальных, нравственных и эстетико-образных усилий¹. Осуществляя национальную мобилизацию, власть далеко не всегда задумывается о значимости и непререкаемости этой стороны культуры. Но тогда у нее растёт соблазн обходиться с людьми как с «винтиками» или «гвоздями». Однако каждый человек, включенный в творческую жизнь культуры, незаменим и уникален. По крайней мере для ее данных пространственно-временных координат. «И вчерашнее солнце на черных носилках несут...», — выразил свое отношение к уникальности и трагедии человеческой жизни О. Мандельштам.

Поскольку любая мобилизация — массовое мероприятие, проводимое в ограниченные сроки, она неизбежно сопряжена с издержками. Опасно, однако, списывать их по принципу «щепки летят». Происходят утраты, часто незримые, не поддающиеся измерению, не имеющие четко определенного веса. Такие, как нерожденные дети, поэты, не пробившиеся к аудитории, «простойные» способные кинорежиссеры, не говоря уже о массе профессоров и преподавателей, озвучивающих с кафедр упрощенные, одномерные идеологические установки.

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. Электронный ресурс: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/8/lihach.html (дата обращения: 20.03.2015).